

И. Б. Линдер Н. Н. Лузан

ФРАНЦУЗСКИЙ ОРДЕН ОСОБИСТА

ЛЕГЕНДА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
КОНТРАЗВЕДКИ

РИПОЛ КЛАССИК

Легенда отечественной контрразведки

Иосиф Линдер

Французский орден особиста

«РИПОЛ Классик»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Линдер И. Б.

Французский орден ордена / И. Б. Линдер — «РИПОЛ
Классик», 2023 — (Легенда отечественной контрразведки)

ISBN 978-5-386-15032-7

В 1943 году постановлением Совета Народных Комиссаров СССР было образовано Главное управление контрразведки (ГУКР) в составе Народного комиссариата обороны (НКО) «Смерш» («Смерть шпионам!»). В 2023 году мы отмечаем 80-летие этой структуры, за короткое время своего существования (до 4 мая 1946 года) доказавшей свою эффективность в борьбе с врагами. Одним из истинных героев тайного фронта был лейтенант Иван Васильевич Рябов. Судьба его уникальна: Рябов - единственный военный контрразведчик, удостоенный Военного креста с серебряной звездой, одной из самых высоких наград Франции. Чудом выжив в мясорубке первых месяцев войны и оказавшись в немецком плену, он не смирился со своей участью и трижды совершал побег из лагерей смерти. Работая на шахте в концентрационном лагере во Франции, Рябов создал подпольную организацию, которая совершала диверсии и акты вредительства, организовал дерзкий побег своим товарищам. Пробравшись в Нормандию, он организовал партизанский отряд из числа бывших советских военнопленных. Партизаны устраивали диверсии на коммуникациях, совершали вооруженные налеты на гарнизоны, добыли ценнейшие сведения о немецком «чудо-оружии» - ракетах «Фау». Авторы книги - Николай Лузан и Иосиф Линдер - хорошо известны читателям. Занимаясь историей отечественных и иностранных специальных служб, они не придумывают сюжеты, а реконструируют события на документальной основе. Их труд получил заслуженную оценку профессионалов: неоднократно авторы становились лауреатами премии ФСБ России за лучшие произведения в области литературы и искусства, раскрывающие деятельность отечественных спецслужб. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-15032-7

© Линдер И. Б., 2023

© РИПОЛ Классик, 2023

Содержание

Геополитические спирали	7
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**Иосиф Борисович Линдер,
Николай Николаевич Лузан
Французский орден особиста**

© Линдер И. Б., Лузан Н. Н., 2023

© Издание. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2023

© Оформление. Т8 Издательские технологии, 2023

Геополитические спирали

Размышления авторов о связи прошлого и настоящего

*Я всегда думал, что демократия – это власть народа,
но вот товарищ Рузвельт мне доходчиво объяснил,
что демократия – это власть американского народа.*

И. В. Сталин

*Эрозия так называемой системы, основанной на правилах,
отражает тот факт, что далеко не всегда и не все страны,
не говоря уже о Китае и России, согласны или хотят играть
по правилам Запада. Печальную историю западного колониализма
помнят во многих частях мира. В условиях, когда престиж Америки
продолжает падать вместе с ее влиянием, миру необходима
какая-то более новая система международных отношений,
помимо «основанной на правилах».*

Харлан Ульман, американский политолог, август 2022 г.

События любого романа на документальной основе имеют исторические предпосылки и продолжение, уходящее в будущее, за пределы художественного повествования.

Любой период времени имеет циклические закономерности и совпадения в «спиральной истории» развития цивилизации в целом, развития каждого континента и каждой геополитически значимой державы, идет ли речь о прошлом, настоящем или будущем.

Умение определить и выделить ключевые события в каждом из периодов развития помогает более глубоко и полно понять скрытые закономерности политических процессов и ту атмосферу, в которой происходят конкретные события, меняющие жизнь людей. Нашему поколению довелось пережить несколько критических моментов, и настоящее время представляет собой очередной виток в перераспределении сил на мировой арене. Либо на некоторое время удастся установить очередное военно-политическое равновесие, либо человечество будет ввергнуто в пучину очередной, еще более кровавой и разрушительной мировой войны.

В критически переломных для всей мировой цивилизации геополитических условиях, свидетелями которых мы стали, авторы посчитали целесообразным предварить текст документального романа вступлением, которое, по нашему глубокому убеждению, даст читателям возможность через призму спирального развития исторических процессов более полно погрузиться в тему повествования.

...Последняя кровавая страница в истории Первой мировой войны была перевернута 28 июня 1919 года. В тот день в Париже, в Версальском дворце, был заключен мирный договор между странами-победительницами: Великобританией, Францией, США, Италией и Японией – и побежденной стороной, Германией, хотя опытные и дальновидные политики той эпохи сразу определили, что это «всего лишь перемирие на ближайшие 15–20 лет».

России, ставшей к тому времени для Запада «большевистской», места за версальским столом переговоров не нашлось, хотя ранее она входила в Антанту – военно-политический союз, сложившийся в 1891–1907 годах, еще до Первой мировой, в качестве противовеса Тройственному союзу Германии, Австро-Венгрии и Италии. Великобритания, Франция и Россия были едины в своих действиях, когда началась война, а вот Тройственный союз распался, потому что Италия сначала сохраняла нейтралитет, но в 1915 году вступила в войну на стороне Антанты. Россия же после 1917 года превратилась в международного изгоя и стала настоящим кошмаром для победителей. Впрочем, как и для проигравших.

Мира как такового не было. Победителей ожидала предсказуемая ответная реакция на агрессивные попытки активного вмешательства в Гражданскую войну (интервенция), которые подогревались неиссякаемыми инициативами уничтожения любой власти на территории России; саму Россию предполагалось разделить на отдельные, управляемые Западом конгломераты. Для борьбы с подобной «демократической» тактикой «мировой буржуазии и мирового капитала» В. И. Ленин создал в 1919 году уникальную международную структуру – Коминтерн, имевший множество нелегальных отделений в большинстве значимых для того времени стран. Политическую декларацию большевиков, которую доходчиво выразил Александр Блок в своей поэме «Двенадцать»: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!», в Лондоне, Париже, Берлине, Вашингтоне, Токио, Риме, Стокгольме, Брюсселе и множестве других столиц почувствовали очень быстро и вполне конкретно. После развертывания активной международной деятельности Коминтерна более двух с половиной миллионов (!) интервентов, находящихся в то время на территории «большевистской России», постарались как можно скорее вернуться домой. О победе в войне против власти большевиков думать уже не приходилось – вооруженные силы понадобились самим западным правительствам для «тушения пожара возникших революций». Влиятельные политические круги западных стран со всей серьезностью отнеслись к значительному укреплению позиции Советской России на международной арене и потому с новой силой озаботились поиском новой военно-политической силы для воздействия на «этих непокорных русских». И эта сила была найдена в лице поверженной в Первой мировой войне Германии.

«Повивальные бабки» нацизма в Германии

В феврале 1925 года министр иностранных дел Великобритании сэр Джозеф Остин Чемберлен в секретной записке, направленной главам делегаций намечавшейся Локарнской конференции (она состоялась 5—16 октября 1925 года и была призвана обсудить спорные вопросы относительно границ, территорий, вооружения и торговли после окончания Первой мировой войны), писал: «Советская Россия нависала, как грозная туча, над восточным горизонтом Европы – угрожающая, не поддающаяся учету, но прежде всего обособленная». Многие европейские лидеры были обеспокоены заключением 16 апреля 1922 года Рапалльского договора между двумя государствами-«изгоями» – Россией и правительством Веймарской республики, и таким образом Локарнская конференция во многом была призвана «перетянуть» Германию на сторону «сплоченного Запада». Исходя из этого, Остин Чемберлен с традиционной английской витиеватой иносказательностью предлагал всем русофобски настроенным странам-партнерам по предстоящим переговорам, а именно: Франции, Италии, Бельгии, Польше и Чехословакии, «...определить политику безопасности вопреки России, пожалуй, именно из-за России»¹.

Что касается Германии, то она, в отличие от большевистской России, пластично поддавалась геополитическому учету, контролю и нужной трансформации. С ней все было по принципу «чего не бывает между своими». Победители решили примерно наказать Германию за раздутые амбиции и чрезмерные захватнические аппетиты, проявленные в начале XX века. Заморские территории Германии были быстро поделены победителями и отошли к Великобритании, Франции и Нидерландам. Германия была вынуждена передать Франции Эльзас и Лотарингию, Бельгии – округа Эйпен-Мальмеди, Дании, после предсказуемого плебисцита, отошла часть региона Шлезвиг, а Польше досталась значительная часть земель при так называемом Данцигском коридоре, ранее соединявшем Восточную Пруссию с остальной частью Германии.

¹ Локарнская конференция (1925). Документы. М., 1959. С. 43.

Однако самым болезненным в Версальском договоре в восприятии немцев было то, что им собственными руками надлежало ликвидировать предмет национальной гордости – армию и военный флот. Германии категорически запрещалось иметь военную авиацию и подводные лодки. Общая численность сухопутной армии сокращалась до эфемерных 100 тысяч солдат, а функции этой «разрешенной армии» почти полностью сводились к полицейским обязанностям для поддержания внутреннего порядка на подконтрольной внешним силам германской территории. Кадровый состав старой германской армии, ее офицерский корпус, почти полностью был распущен.

Не лучше было и общее экономическое положение германского государства. По оценке Черчилля, «экономические статьи договора были злобны и глупы до такой степени, что становились бессмысленны. Германия была принуждена к выплате баснословных репараций»².

При этом страны-победительницы, продолжая публично заявлять со всех политических трибун, что заставят Германию заплатить «все до последнего пфеннига», за кулисами открытой политики делали совершенно обратное. По признанию все того же Уинстона Черчилля, «...Германии было предоставлено, главным образом Соединенными Штатами и Великобританией, более полутора миллиардов фунтов стерлингов, что дало ей возможность быстро ликвидировать разрушения, причиненные войной»³.

Наряду с оказанием финансовой помощи многие крупные американские компании приняли участие в модернизации ведущих промышленных гигантов Германии: концернов Круппа, Тиссена, наследников Адама Опеля, нефтяного концерна «Дойче-американиш петролиум», угольного концерна «Гуго Стиннес» и многих других германских корпораций. Примечательно, что американцы тесно сотрудничали с немецким военно-химическим концерном «ИГ Фарбениндустри», выпускавшим во время Второй мировой войны отравляющий газ «Циклон Б» для концентрационных лагерей.

Именно США и Британия сыграли ключевую роль в возрождении экономической, а затем и военной мощи Германии. В 1924 году они инициировали разработку специального плана о новом порядке репарационных выплат странам-победительницам в Первой мировой войне. Этот план получил название «План Дауэса» – по имени председателя международного комитета экспертов, созданного при Комиссии по репарациям, а в прошлом генерала армии США Чарльза Дауэса. План этот одним махом решал несколько важных проблем, в том числе проблему оттеснения Франции от политического влияния на послевоенную Германию, основными действующими лицами в этом пространстве предполагались только Британия и США.

План Дауэса был утвержден 16 августа 1924 года на международной конференции в Лондоне и вступил в силу буквально через две недели – 1 сентября того же года. А уже в феврале 1925 года «послушной Германии» открыли дверь на международную политическую кухню. На конференции в Локарно Германия участвовала уже не только в качестве «провинившейся страны». Победители, еще раз строго спросив с Германии за «политические шалости» 1914–1919 годов, обернувшиеся для народов Европы гибелью почти 22 миллионов человек, показали ей путь, на котором предстояло искать решение больных политических, экономических и социальных проблем: *Drang nach Osten*, «натиск на Восток».

Только за пять лет Германия получила кредитов, в основном от США, на сумму 21 миллиард марок, что позволяло ей благодаря политике германского бундесканцлера и министра иностранных дел Густава Штресемана производить выплаты по военным репарациям и одновременно развивать свою собственную национальную экономику. По признанию германского

² Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. Т. 1. М., 1991. С. 22.

³ Там же. С. 27.

банкира Ялмара Шахта, «Германия получила столько же иностранных займов, сколько их получила Америка за сорок лет, предшествовавших Первой мировой войне» ⁴.

Как результат проводимой политики, в 1929 году Германия вышла на третье место в мире по экспорту продукции с результатом 9,2 %. Впереди Германии по этому показателю были только США – 15,6 % мирового экспорта и Великобритания – 10,7 %.

По итогам Локарнской конференции ее участники подписали пакт, полностью «развязавший руки» Германии на восточном направлении. Первая статья этого пакта устанавливала «сохранение территориального „статус-кво“, вытекающего из границ между Германией и Францией, между Германией и Бельгией и неприкосновенность указанных границ...». Вторая статья обязывала эти страны «не предпринимать друг против друга какого бы то ни было нападения или вторжения» ⁵.

Что касается нерушимости границ Германии на востоке, то руководители Польши и Чехословакии – А. Скшиньский и Э. Бенеш – под давлением Лондона и Парижа подписали с Германией лишь арбитражные договоры. Их смысл состоял в том, что гарантии польско-германских, чехословацко-германских границ, а также решение всех спорных вопросов отдавались в ведение специально созданных согласительных комиссий. В их состав входили дипломаты и эксперты обеих заинтересованных сторон, а также назначенные ими «представители третьей важной стороны». Иначе говоря, кураторы Германии с Запада планомерно выстраивали «политическое расширение» Германии на восток под своим «согласительным», а вернее, соглашательским присмотром.

Министру иностранных дел Германии, Штресеману не понадобилось особо напрягаться, чтобы понять, на какой путь толкают военный каток будущего рейха – Третьего – партнеры по международным переговорам. Он в полной мере воспользовался ситуацией, чтобы ослабить путы кабального Версальского договора. Обращаясь к участникам конференции, Штресеман заметил: «Если против Советской России начнется война, то Германия не может считать себя безучастной и должна будет, несмотря на трудности, выполнить свои обязательства» ⁶. Напомним читателям, что описываемые события происходили за восемь лет до прихода нацистов к власти в Германии – в 1925 году!

Заявление Густава Штресемана нашло поддержку у остальных участников конференции, и он поспешил развить свой политический успех. Поставив перед западными странами вопрос о «должном вооружении Германии», он мгновенно нашел политического союзника в лице британского премьера Чемберлена, который утверждал: «Германия станет союзником всех остальных государств – членов Лиги. Ее сила станет их силой. Ее слабость станет их слабостью. Все остальные государства будут вынуждены оказывать помощь Германии, и те, кто разоружил Германию, должны опять вооружить ее» ⁷. «Тихий» политический процесс по очередному срабатыванию представителей Запада с Россией получил свои конкретные, зримые очертания. А Штресеман, стоит сказать, в 1926 году получил Нобелевскую премию мира за гарантию послевоенных границ в Западной Европе, и гарантия эта вытекала из заключения Локарнских соглашений.

«Зубы коричневого дракона»

Заручившись поддержкой Лондона и Парижа, за которыми маячила нескрываемая тень деятельного Вашингтона, воротили германского бизнеса и армейская верхушка, жаждав-

⁴ Schacht H. Meine Abrechnung mit Hitler. Hamburg, 1948. S. 4.

⁵ Локарнская конференция (1925). Документы. С. 485.

⁶ Там же. С. 321.

⁷ Там же. С. 323.

шие вернуть утраченные политические, социальные, финансовые позиции и снова брутально побряцать оружием, занялись поиском внутренней политической силы. Силы, которая смогла бы собрать в один крепкий кулак все германское общество, пережившее чудовищную национальную катастрофу и находившееся в глубочайшей социальной, экономической и политической депрессии.

Компартия Германии с ее лидером Эрнстом Тельманом, как и другие коммунистические и социалистические силы Германии, имевшие тесные связи с советской Россией, по определению не могли быть союзниками боссов «Стального треста» – Ф. Тиссена, «Рейнско-Вестфальского угольного синдиката» – Э. Кирдорфа, банкира Я. Шахта и других тяжеловесов германской экономики в осуществлении стратегических военно-реваншистских планов. Социал-демократы с их «слабыми» либеральными взглядами и надеждами на постепенную эволюционную доктрину социального развития также не годились на роль спасителей нации. Тогда «тиссенсы», «шахты», «круппы» и «кирдорфы» обратили внимание на напористую молодую публику – германских нацистов и их вдохновенно-одиозного вождя Адольфа Гитлера. Умело спекулируя на национальной германской гордости, «эти выскочки», как иногда о них отзывались, разжигали «огни воинственной Пруссии» и быстро набирали политический вес в обществе.

В 1925 году, когда нацисты вышли из прокуренных мюнхенских пивных, в составе их партии было всего 17 тысяч человек, а уже через два года, в 1927 году, партия насчитывала свыше 40 тысяч членов. Причина стремительного роста популярности Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) состояла в том, что Гитлер умело апеллировал в своей пропагандистской работе к униженному национальному достоинству немцев. Он цинично заявлял: «...перед Бисмарком благоговели! Почему? Широкие массы любят мужественность, потому что сами женственны; они хотят, чтобы их вели, и не желают иметь такого ведущего, который бы говорил им: это можно сделать одним путем, можно другим, а возможно, и еще как-нибудь. Массы хотят человека, который, топнув сапогом, говорит: вот правильный путь»⁸.

Гитлер хорошо знал, чего хотел от него, как от политика, крупный германский бизнес и о чем мечтали ведущие германские военные. На встречах с ними он твердил о необходимости восстановления Германией статуса великой европейской и мировой державы. И заинтересованные слушатели быстро вняли словам будущего фюрера германской нации.

В апреле 1927 года Гитлер был приглашен на встречу с 400 крупнейшими предпринимателями Рурской области, проходила она на вилле «стального короля» Альфреда Круппа. На встрече нацисты и бизнесмены быстро нашли общий язык. Гитлер гарантировал бизнесу полную неприкосновенность собственности и взрывной рост прибылей; военным фюрер обещал возрождение былой мощи германской армии и обязательное уважительное почитание в обществе; и тех и других заверил в том, что раз и навсегда установит в стране настоящий германский порядок, а заодно покончит с растущей и все более крепнущей «коммунистической угрозой». Бизнесмены его услышали и с охотой открыли свои кошельки. Тиссен одним из первых внес в фонд нацистов три миллиона марок. Его примеру последовали многие промышленники и финансисты. С того времени нацистская партия стала расти как на дрожжах. В 1928 году ее численность уже составляла 100 тысяч человек, в 1929 году партия выросла до 178 тысяч, в 1930 году было выдано уже 380 тысяч партийных билетов, а к концу 1931 года Гитлер мог похвастать тем, что его партия охватывает более 800 тысяч граждан Германии. Таким образом, НСДАП при прямом участии международного капитала, в основном США и Британии, за пять лет выросла в 47 раз (!). Такого история развития партийных движений еще не знала.

Четвертого января 1932 года с Гитлером и будущим рейхсканцлером Францем фон Папен-ном встретился управляющий Банком Англии Монтегю Норман. На встрече также присут-

⁸ Jochman. W. Im Kampf um die Macht. Frankfurt, 1960. S. 110–111.

ствовали печально известные своими геополитическими аферами братья Даллес. Один из них, Джон, позже займет пост госсекретаря в правительстве Эйзенхауэра и фактически будет определять всю международную политику США, а второй, Аллен, во время Второй мировой войны возглавит Управление стратегических служб в Берне (Швейцария), но в историю войдет как самый успешный директор ЦРУ (занимал этот пост с 1953 по 1961 год). Вернемся, однако, в январь 1932-го. В тот значимый для НСДАП день был составлен документ о международной финансовой помощи нацистам.

До вхождения в высшую власть нацистам оставалось сделать всего один шаг. И они его уверенно сделали. Впоследствии такой путь в политике стал их фирменным стилем – провокация, провокация и еще раз провокация. Двадцать седьмого февраля 1933 года в Берлине, в пленарном зале Рейхстага, «внезапно» вспыхнул пожар. Гитлер мгновенно обвинил в поджоге германских коммунистов. Уже на следующий день рейхспрезидент Пауль Гинденбург, послушный давлению большого бизнеса, издал чрезвычайный декрет «О защите народа и государства». Этот декрет полностью развязал руки нацистам. После выборов в рейхстаг 5 марта 1933 года нацисты получили всего 288 из 647 мест, но, опираясь на подписанный Гинденбургом декрет, запросто аннулировали 81 мандат, полученный германскими коммунистами. А менее чем через три недели – 24 марта 1933 года – большинством голосов (441 «за» при 91 «против») депутаты рейхстага в рамках «большой коалиции» предоставили Гитлеру чрезвычайные полномочия германского бундесканцлера сроком на четыре года.

Лидер нацистов не замедлил воспользоваться этими полномочиями в полной мере. Компартия и все коммунистические союзы Германии подверглись разгрому, по стране прокатилась волна повальных арестов оппозиционеров, а на головы германских обывателей обрушились потоки заранее заготовленной нацистской пропаганды, густо замешанной на жесточайшем, махровом национализме. Эта политическая тактика вместе с идеологической накачкой сделали свое дело. За короткое время нацисты совершили невозможное: они просто вывернули наизнанку «старую Германию», перенастроив на свой лад по-житейски степенных, исторически-рассудительных гертруд и гансов. Рожденные безумием идеи жестокого, пещерного национализма, подобно тифозным вшам, почти поголовно заразили нацию «рациональных германцев». Страна под грохот барабанов штурмовых отрядов нацистов неотвратимо становилась на рельсы войны.

Конечно, далеко не все жители Германии усиленно маршировали и «зиговали» под музыку бравурных военных оркестров. Помимо германских коммунистов и социалистов, ушедших в подполье и продолживших опасное противостояние гитлеровскому режиму, были и «простые германские обыватели» с хорошим образованием, социальной позицией и политическим предвидением. Одной из таких личностей, известных в Германии и Великобритании, но практически неизвестной в нашей стране, стала педагог, директор успешной частной школы городка Херрлинген в швабском регионе Германии, магистр Анна Эссингер. Эта женщина, родившаяся в смешанной немецко-еврейской семье, получившая прекрасное образование у себя на родине еще во времена Германской империи, а затем степень бакалавра и магистра наук в США, быстро осознала критическую опасность прихода нацистов к власти. Вникнув в труд Адольфа Гитлера «Моя борьба», изучив множество политических работ и выступлений фюрера, она начала подготовку к рискованнейшей операции по эвакуации из страны своей школы в полном составе. Более чем полугодовая работа позволила ей не только заручиться поддержкой каждой семьи, чьи дети обучались у нее, но и найти в Англии подходящее здание и людей, которые были готовы профинансировать такое опасное и далеко не дешевое предприятие. Составив десятки «литерных» маршрутов для своих учеников, большинство из которых были евреями, Анна Эссингер смогла в итоге переправить их в деревушку Оттерден в Кенте. Школа разместилась в старинном доме и от него получила новое название – «Банс Корт» (*Bunce Court School*). С началом Второй мировой она стала местом спасения для многих детей из

Австрии, Польши, Венгрии, Чехословакии... Самым поразительным в подготовке и проведении этой операции было то, что ни один человек из тех, кто знал о ней, не проговорился, сохранил тайну. Иначе конец был бы предсказуем. После войны вернувшиеся домой дети узнали, что их родители – почти у всех – погибли в застенках гестапо или гитлеровских лагерях смерти. Эта история в первую очередь говорит о том, что не все в Германии оказались безголовыми существами, откликнувшимися на зов своего бесноватого фюрера. Кто-то подумал о будущем на несколько шагов вперед и оказался не только прозорливее, но и сильнее.

Но в 1933-м, когда Анна Эссингер задумала побег (а точнее, план спасения), Гитлер и его главный идеологический рупор – рейхсминистр пропаганды Йозеф Геббельс, уже не опасаясь политических окриков со стороны тех политических кругов, которые привели НСДАП к власти, во всеуслышание заявляли о несправедливости существующего миропорядка и требовали от США, Великобритании, Франции выпустить Германию из подполья экономической и политической изоляции. Обновленная нацистская Германия требовала «жизненного пространства».

Призывы не остались без ответа. В 1933 году руководитель Рейхсбанка Ялмар Шахт по приглашению руководства США посетил эту заокеанскую державу. Результатом личных встреч с президентом Рузвельтом и представителями крупного американского и транснационального бизнеса стало предоставление правительству Гитлера новых гигантских финансовых займов общим объемом в один миллиард долларов. Одновременно американские бизнесмены активно включились в развитие экономики Германии. Вскоре американские финансовые круги стали полностью контролировать три крупнейших банка Германии: «Дойче банк», «Дрезндер банк» и «Донат банк». Через них Гитлеру выдавались огромные льготные кредиты, которые, по сути, финансировали гитлеровскую программу милитаризации страны.

В 1930-е годы американские компании передали Гитлеру сотни ценнейших патентов и передовых технологий. Больше всех на этом поприще преуспели такие корпорации, как ИТТ и «Дженерал электрик». Ради огромных сверхприбылей капиталисты готовы были пойти на любое преступление, и им были абсолютно безразличны интересы даже своей собственной страны.

К началу 1940 года на территории Рейха действовало около шестидесяти филиалов таких крупнейших компаний, как «Дженерал электрик», «Стандарт ойл», «Форд» и других. Помощь фашистской Германии, например, только от «Стандарт ойл» была просто колоссальной. Корпорация, принадлежащая Рокфеллеру, поставляла Рейху необходимый для изготовления авиационного бензина тетраэтил, искусственный каучук, нефть. Только один из принадлежащих компании заводов в Гамбурге до конца Второй мировой войны производил в день не менее 15 тысяч тонн авиабензина. Поставки сырья шли через Испанию, Португалию и другие нейтральные страны. На Канарских островах «Стандарт ойл» заправляла германские подводные лодки, которые тут же, в Атлантике, топили американские суда.

В 1940 году предприятия Генри Форда в Европе поставили Гитлеру 65 тысяч грузовиков. Портрет Форда висел в мюнхенском кабинете фюрера, он получил высший для иностранных граждан германский орден – Орден Заслуг германского орла; и при этом бизнесмен, чьим девизом было «Автомобили для всех», отказал Британии в производстве двигателей для самолетов и автомобилей. В гитлеровском Рейхе 80 % средних и 70 % тяжелых грузовиков производили на заводах, принадлежащих американским компаниям. Все «опели», как легковые, так и грузовые, с 1929 года выпускал концерн «Дженерал моторс». Убери с фронта все эти машины, и немецкая армия просто бы встала. Концерн «Опель» во время войны выпустил более 50 % всех двигателей для таких бомбардировщиков, как «Юнкерс-88».

Капиталовложения (в миллионах германских марок) в предвоенную экономику Германии, согласно данным авторов «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.», по годам выглядят впечатляюще ⁹:

Годы	Все капиталовложения	Капиталовложения в ВПК
1932	2590	620
1933	3150	720
1934	6760	3300
1935	9040	5150
1936	13 220	9000
1937	15 470	10 880
1938	21 030	15 500

Финансовые вливания позволили гитлеровской Германии в кратчайшие сроки провести значительную модернизацию всей промышленности, обеспечить бурный рост ее основных отраслей. Так, производство продукции машиностроения с 1933 по 1938 год увеличилось в четыре раза. Существенно возрос выпуск важнейших военно-стратегических материалов, например выплавка алюминия составляла в 1932 году около 19 тысяч тонн, а к 1939 году увеличилась десятикратно, достигнув 194 тысяч тонн и превысив производство этого металла во всех странах Европы, вместе взятых.

«...С помощью американских монополий германские промышленники довели к 1938 году выработку важного компонента для военной техники – синтетического горючего – до 1600 тыс. тонн. К началу Второй мировой войны Германия имела самый большой в мире парк металлообрабатывающих станков – 1,6 млн единиц... В 1939 году военное производство в Германии в 12,5 раз превышало уровень 1933 года – первого года фашистской диктатуры» ¹⁰.

В 1935 году со страны, набирающей силу, было снято еще одно «финансовое ярмо»: Германия полностью прекратила выплату по всем репарациям, установленным Версальским договором.

Выпуская Германию из экономического и политического подполья, Вашингтон, Лондон и Париж преследовали далекоидущие геополитические цели. В кулуарах Берлина недвусмысленно намекали, что вектор «расширения жизненного пространства» будет направлен на восток, в сторону большевистской России, и это было именно тем, чего хотел Запад. Уинстон Черчилль позже напишет о своих беседах с германским послом в Британии Иоахимом фон Риббентропом: «...он сказал мне, что ему предлагали пост министра иностранных дел Германии, но что он просил Гитлера отпустить его в Лондон, чтобы добиться англо-германского союза... Немцы, быть может, и попросят вернуть им немецкие колонии, но это, конечно, не кардинальный вопрос. Важнее было, чтобы Англия предоставила Германии свободу рук на востоке Европы. Германии нужен lebensraum, или жизненное пространство, для ее все воз-

⁹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6 т. М.: Воениздат, 1960–1965. Т. 1. С. 22.

¹⁰ Там же. С. 23.

растающего населения. Поэтому она вынуждена поглотить Польшу и Данцигский коридор. Что касается Белоруссии и Украины, то эти территории абсолютно необходимы для обеспечения будущего существования германского Рейха, насчитывающего 70 миллионов душ»¹¹.

В Лондоне – давнем геополитическом ненавистнике России, организовывавшем специальные военно-политические операции по развалу российского государства еще во времена оны, – сигналы фашисткой верхушки охотно приняли и поспешили снять последний заслон на пути тотальной милитаризации Германии. Восемнадцатого июня 1935 года было заключено новое англо-германское соглашение, которое торпедировало еще одно положение Версальского договора. Германия получала полное право иметь свой флот, составляющий 35 %, а по подводным лодкам – даже 45 % от численности английского флота. Позже, на Нюрнбергском процессе, Риббентроп, к неудовольствию англичан, откровенно показал: «Гитлер и я были весьма довольны этим договором. Гитлер был счастлив как никогда».

Спустя пять лет, в 1940 году, это «счастье Гитлера» обернулось для Великобритании потерями сотен военных и торговых судов, затонувших после атак германских подводных лодок, кошмарными бомбардировками Лондона... Жертвы среди гражданского населения были огромные, но в 1935 году хитроумно-коварные британские политики, вскармливая фашизм, надеялись, что уж на этот-то раз, и, как всегда, чужими руками, им точно удастся навсегда покончить с Россией.

Американские компании «Интернэшнл телефоун энд телеграф» (ИТТ) и «Дженерал электрик» осуществляли поставки в Рейх радио- и электротехнической аппаратуры, телефонных аппаратов и другой аналогичной техники. Это позволило обеспечить германские военные структуры, в том числе секретные, высококласной связью и давало преимущество перед Красной армией, особенно в период 1941 и 1942 годов. Компания ИТТ производила также многие важнейшие комплектующие к ракетам «Фау».

В самих США финансово-политические круги только делали вид, что преследуют корпорации, которые помогают Гитлеру. В Америке с 1917 года действовал Закон о торговле с врагом (*Trading with the enemy act*), который предусматривал «суровую кару» за помощь фашистам, аналогичный закон был принят в 1939 году в Великобритании, однако на деле бизнес и сверхприбыли были превыше всего! А кое-кто и компенсации получил от правительства США за заводы, разбомбленные американской авиацией в конце войны. Как тут не вспомнить, что, к примеру, Кёльн почти полностью лежал в руинах после англо-американских ковровых бомбардировок, а вот завод Генри Форда почему-то практически не пострадал, за исключением небольшого ущерба вторичным заводским постройкам.

Как образно выразился президент Имперского банка и основной финансист Рейха Ялмар Шахт в беседе с американским юристом, затронувшим тему финансового поощрения фашизма в Германии: «Если вы хотите предъявить обвинение промышленникам, которые помогли перевооружить Германию, то вы должны предъявить обвинение самим себе!»

* * *

К 1937 году нацисты полностью контролировали ситуацию в Германии. Ранние соратники-конкуренты, такие как Эрнст Рём, были уже мертвы. Ночь «длинных ножей», как в далеком Средневековье, провела кровавую границу между ранее преданными Гитлеру штурмовиками и теми, кто пришел им на смену.

Армейская верхушка, истосковавшаяся по победным военным баталиям, рвалась в бой. К концу 1937 года количество дивизий вермахта возросло в четыре раза и достигло тридцати девяти, число авиационных эскадрилий с трех увеличилось до шестидесяти шести, количе-

¹¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. Т. 1. С. 102.

ство танковых полков возросло с нуля до десяти, а артиллерийских полков – с семи до сорока трех. Крупный капитал, получавший гигантские военные заказы, а следовательно, гигантские сверхприбыли, активно поддерживал нацистскую партию во всех ее промышленных начинаниях. Голос германских коммунистов, голос любой политической или социальной оппозиции почти не были слышны в обществе, которое хотело слушать и слышать только своего фюрера. Все негодные были уничтожены или надежно упрятаны в концентрационные лагеря. Лишь малая часть оппозиции перешла на нелегальное положение или смогла покинуть территорию Рейха, чтобы продолжать борьбу за его пределами. Большая часть народа была загипнотизирована речами Гитлера об исключительности нации «истинных ариев». Добавить сюда эйфорию от экономических успехов режима... Безработица ушла в прошлое, на полках магазинов появился солидный выбор товаров, социальные программы Рейха были очень привлекательны. Везде велись радостные разговоры, что Германия наконец-то выбирается из финансовой нищеты и политического унижения Версальского договора. Гражданам Рейха совершенно не требовалось думать о будущем – за «всю социальную массу германского народа» думал и принимал «судьбоносные решения» лично фюрер. А сам он мыслил планетарными политическими масштабами. «Версальская роба» трещала по всем швам, а германская нация все сильнее и сильнее рвалась расширить свое «жизненное пространство».

План «Отто» – последняя страница Версальского договора

Первым пробным шаром в реализации замыслов тотальной германизации пока что пограничных территорий предстояло стать главному осколку империи Габсбургов – Австрии. Надежду Гитлера на то, что план «Отто» – план мирной аннексии Австрии – не встретит серьезных возражений со стороны Лондона, Парижа и Вашингтона, укрепляли тайные встречи с дипломатами и политиками этих стран.

Одна из таких встреч, имевшая ключевое значение в судьбе Австрии, состоялась в ноябре 1937 года между послом США в Париже Уильямом Буллитом и одним из высших главарей нацистского Рейха – Германом Герингом. На встрече присутствовал главный «кошелек» нацистов – президент Рейхсбанка Ялмар Шахт. Во время беседы Геринг, зондируя через Буллита мнение американской стороны на предмет аннексии Германией Австрии и Судетской области Чехословакии, заявил: «Германия твердо решила присоединить к себе Австрию и не потерпит другого решения австрийского вопроса»¹².

Буллит ничего не возразил на столь откровенную политическую декларацию, и в Берлине правильно оценили этот «молчаливый» сигнал. В том же ноябре личный адъютант Гитлера, капитан Фриц Видеман, отправился за океан, чтобы обговорить детали предстоящей военно-политической сделки с политическим руководством США. Домой Видеман уезжал окрыленный: Америка не будет связывать Германию в ее действиях.

Такой же позиции придерживалось руководство Великобритании. Третьего марта 1938 года, за девять дней до вторжения вермахта в Австрию, Гитлер в беседе с британским послом Невиллом Гендерсоном в Берлине прямо сказал: «В случае взрывов в Австрии и Чехословакии Германия не останется нейтральной, а будет действовать молниеносно». Гендерсон подтвердил благожелательную для гитлеровцев позицию Британии в австрийском вопросе и добавил, что сам он «часто высказывался за аншлюс»¹³.

Получив полный карт-бланш, Гитлер приступил к практической реализации плана «Отто». Первыми за дело взялись спецслужбы Германии. К этому времени ими была сплетена разветвленная агентурная сеть во всех звеньях государственного аппарата Австрии. Одновре-

¹² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 1. С. 135.

¹³ Там же.

менно по линии партийных и земляческих связей, как грибы после дождя, плодились различные спортивные, патриотические, общественные организации, германо-альпийские союзы и комитеты, которые, по сути, представляли собой «крышевые» структуры нацистской партии и ее спецслужб. Эти военизированные «общественные организации» развернули бешеную прогерманскую националистическую пропаганду, от которой у австрийцев голова шла кругом. Правительство Курта Шушнига оказалось бессильно.

Одиннадцатого марта 1938 года берлинское радио передало ложное истеричное сообщение «о кровавом коммунистическом восстании в Австрии». Вслед за этим, в ночь на 12 марта, механизированные колонны вермахта беспрепятственно вторглись в Австрию якобы для «восстановления конституционного порядка». Музыкальная красавица Вена безропотно легла под кованый фашистский сапог. На следующий день, 13 марта, в 19 часов 00 минут Гитлер с триумфом въехал в австрийскую столицу. В тот же день был опубликован закон «О воссоединении Австрии с Германской империей». Фашистская пропаганда преподнесла этот неприкрытый акт агрессии против суверенного государства как «миролюбивый шаг», который, по словам Гитлера, «не дал Австрии погрузиться в пучину гражданской войны». В тот день при полном попустительстве так называемых западных демократий нацистским штыком была проколота последняя страница Версальского договора. Спустя восемнадцать лет после его подписания Германия, проигравшая сторона, уже диктовала свои условия бывшим победителям – Великобритании и Франции. В результате аншлюса Австрии Германия увеличила свою территорию на 17 %, приросла населением в семь миллионов человек и одновременно пополнила ряды вермахта на 50 тысяч штыков.

На циничные действия Берлина Париж откликнулся ритуально-сопливым протестом. Министр иностранных дел Франции Ивон Дельбос выразил послу Германии легкое устное «беспокойство в связи с событиями в Австрии».

Великобритания полностью поддержала аннексию Австрии. Двенадцатого марта, завтракая в Лондоне с министром иностранных дел Германии Риббентропом, английский премьер Чемберлен по этому поводу сказал: «Когда это неприглядное дело (аннексия Австрии. – *Авт.*) будет позади и будет найдено разумное решение, можно надеяться, что мы сможем начать серьезно работать над германо-английским соглашением»¹⁴.

Такая позиция руководителей Франции, Великобритании и США еще больше разожгла захватнический аппетит нацистской верхушки Рейха. Через полгода после захвата Австрии наступил планируемый черед Чехословакии.

Мюнхенский сговор

Подготовка к оккупации Чехословакии шла по уже обкатанному на Австрии сценарию. Двадцатого апреля 1938 года начальник штаба Верховного главнокомандования Вооруженными силами Германии Вильгельм Кейтель преподнес Гитлеру подарок ко дню рождения – план военной операции против Чехословакии «Грюн». За несколько месяцев до начала операции гитлеровская пропаганда, как и в случае с Австрией, развернула оголтелую античешскую кампанию в защиту 3,5 миллиона судетских немцев, «стонущих под игом чехов». Рупор пропаганды Геббельс вещал: «Мы не станем дальше смотреть на то, как измываются над тремя с половиной миллионами немцев. Я не потерплю ни при каких обстоятельствах, чтобы в Чехословакии и дальше угнетали немецкое меньшинство».

Вслед за его выступлением спецслужбы Германии через свою агентуру, внедренную в различные общественно-политические комитеты и массовые спортивные организации, подняли в Судетах волну протестов, участники которых требовали полного исторического воссоедине-

¹⁴ Documents on German Foreign Policy. Series D. Vol. 1. P. 227.

ния всех германских земель. Скрытые мины, заложенные в Версальском договоре – отобранные у Германии исторические территории, – спустя девятнадцать лет начали взрываться.

В тот решающий для Европы момент, когда еще сохранялась возможность остановить фашизм и большую войну, Советский Союз решительно заявил, что готов выполнить свои союзнические обязательства перед правительством Чехословакии – оказать всестороннюю, в том числе и военную, помощь для защиты государственного суверенитета и обеспечения территориальной целостности страны.

Семнадцатого марта 1938 года в интервью представителям западных СМИ министр иностранных дел СССР М. М. Литвинов, касаясь «возникновения военной угрозы для Чехословакии», предложил: «Трем заинтересованным великим державам – Франции, России и Великобритании – выступить с совместной декларацией, которая бы стала наилучшим путем предотвращения войны». Однако, по словам Черчилля, это предложение «встретило прохладный прием в Париже и Лондоне»¹⁵.

Британские и французские политики мало того что не откликнулись на призыв Литвинова, они ничего не сделали, чтобы повлиять на прогерманскую позицию руководителей Польши и Румынии. В Варшаве и Бухаресте наотрез отказались пропустить через свои территории части Красной армии, которые советское правительство намеревалось направить на помощь Чехословакии. Вместо этого британский премьер Чемберлен и президент Франции Даладьё в очередной раз решили умиротворить зарвавшегося политического хищника Гитлера.

Шестнадцатого сентября 1938 года под Мюнхеном, в резиденции рейхсканцлера Германии Берхтесгадене, Чемберлен и Даладьё в ходе переговоров с Гитлером полностью согласились на территориальное расчленение Чехословакии. В Лондон британский премьер вернулся «калифом на час» и с трапа самолета, сияя улыбкой, горделиво объявил: «Я привез вам мир!»

«Мир», который спустя три года обернется десятками миллионов человеческих жертв.

«...Английский премьер сам нанес визит Гитлеру в момент, когда они (руководители Чехословакии. – *Авт.*) впервые оказались хозяевами внутреннего положения в Судетской области... Когда известие об этом было в Праге, руководители Чехословакии не могли поверить ему... Расчленение Чехословакии под нажимом Англии и Франции равносильно капитуляции западных демократий перед нацистской угрозой применения силы... Позиция Польши, связанная с отказом пропустить советские войска через свою территорию, была такова: „С немцами мы рискуем потерять свободу, а с русскими – *нашу душу*“, – вспоминал об этом позорнейшем политическом акте Уинстон Черчилль¹⁶.

Так в сентябре 1938 года был упущен серьезный шанс по созданию действенной антигитлеровской коалиции в Европе. Свидетельством тому служат показания фельдмаршала Кейтеля, данные на Нюрнбергском процессе. На вопрос представителя Чехословакии полковника В. Эгера: «Напала бы Германия на Чехословакию в 1938 году, если бы западные державы поддержали Прагу?» – Кейтель ответил: «Конечно нет. Мы не были достаточно сильны с военной точки зрения. Целью Мюнхена было вытеснить Россию из Европы, выиграть время и завершить вооружение Германии»¹⁷.

В отношении позиции руководства Польши точнее, чем Черчилль, не скажешь. С достойным большого политика циничным прагматизмом и со столь же циничной прямоотой Черчилль констатировал: «Героические черты польского народа не должны заставлять нас закрывать глаза на его безрассудство и неблагодарность, которые в течение ряда веков причиняли ему

¹⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. Т. 1. С. 126.

¹⁶ Там же. С. 137, 145.

¹⁷ Там же. С. 145.

неизмеримые страдания... Слава в периоды мятежей и горя, гнусность и позор в периоды триумфа. Храбрейшими из храбрых слишком часто руководили гнуснейшие из гнуснейших!»¹⁸

Еще не успели под Мюнхенским соглашением высохнуть подписи Гитлера, лидера Великобритании Чемберлена и лидера Франции Даладье, как 30 сентября польское правительство направило в Прагу ультиматум со своими территориальными претензиями. Польское правительство настаивало на немедленной передаче Польше пограничного района Тешин. Подобно мелким стервятникам, питающимся падалью, руководители Польши спешили поживиться за чужой счет и под шумок набросились на «политический труп Чехословакии», труп, который рвала на части Германия и ее будущий союзник Венгрия, отхватившая себе южные районы Словакии. Об этом эпизоде в предательской политике западных стран на Западе предпочитают не вспоминать, зато на каждом углу во все горло кричат о «преступном пакте Молотова – Риббентропа». В Польше на эту тему вообще наложено строгое табу. И тому есть веская причина.

Двадцать шестого января 1934 года Польша и Германия подписали в Берлине Декларацию о неприменении силы (*Deklaracja między Polską a Niemcami o niestosowaniu przemocy*). В секретном приложении к ней раскрывался истинный смысл этого документа. Фактически Польша брала на себя политические и военные обязательства оказывать всемерное содействие Германии в случае развязывания войны на восточном направлении против СССР.

В одном из пунктов секретного протокола черным по белому было зафиксировано: «Польское правительство обязуется обеспечить свободное прохождение германских войск по своей территории в случае, если эти войска будут призваны отразить провокацию со стороны востока или северо-востока».

Произошло это за четыре года до позорной сделки прогнивших политических систем Великобритании и Франции с фашистской Германией. В отечественной историографии эта сделка известна как Мюнхенский сговор. Ослепленные генетической ненавистью к Советскому Союзу, власти Польши оказались здесь впереди всех.

Пройдет совсем немного времени, и 1 сентября 1939 года Польша жестоко поплатится за это вторжением на ее территорию. К исходу второй недели тщетного, неэффективного, тактически безграмотного военного сопротивления вермахту польские войска были разгромлены. Великобритания и Франция, как обычно, дальше театральных призывов остановить Германию и спасти «нашу союзницу» Польшу не пошли. Польша как только не стелилась перед Германией, но «кровавая благодарность» была преподнесена польскому народу, а не продажным, трусливым, националистически настроенным польским политикам. Уже 7 сентября 1939 года правительство Фелициана Славой-Сладковского бежало в Румынию. А союзники Польши – Франция и Великобритания – даже пальцем не пошевелили, чтобы выполнить перед ней свои обязательства «по обеспечению безопасности на международной арене», наблюдая со стороны за молниеносной военно-политической агонией. В очередной раз в своей истории Польша как независимое государство перестала существовать.

В сложившихся обстоятельствах советское правительство 17 сентября 1939 года оперативно направило части Красной армии на запад. Советскими войсками было интернировано 452 536 человек, из них 18 789 офицеров. А 28 сентября 1939 года состоялось официальное подписание договора между Германией и Советским Союзом о разделе Польши. Его результатом стало возвращение в состав теперь уже СССР старых российских земель Западной Украины, Белоруссии и Бессарабии, вынужденно утраченных в революционно-военных событиях 1918 года.

Возможно, судьба Польши и весь последующий ход событий в Европе мог быть иным, если б в Варшаве было принято предложение наркома обороны Красной армии К. Е. Воро-

¹⁸ Там же. С. 146.

шилова взять под защиту Вильнюс и Львов. Но надменная польская сторона в своей безграничной русофобии это предложение отвергла. «Требование маршала Ворошилова, в соответствии с которым русские армии, если бы они были союзниками Польши, должны были занять Вильнюс и Львов, было вполне целесообразным военным требованием. Его отвергла Польша, доводы которой, несмотря на всю их естественность, нельзя считать удовлетворительными в свете настоящих событий. В результате Россия заняла как враг Польши те же позиции, какие она могла бы занять как весьма сомнительный и подозрительный друг», – прагматично вспоминал Черчилль о еще одной упущенной политической возможности остановить продвижение фашистской Германии на Восток ¹⁹.

Грязные политические игры

Во второй половине апреля 1939 года британское правительство подбросило советскому руководству затравку – проект декларации о политических основах европейской безопасности. Одно из ее положений гласило: «В случае акта агрессии против какого-либо европейского соседа Советского Союза, который бы оказывал сопротивление, можно будет рассчитывать на помощь Советского правительства, если она будет желательна и оказана тем путем, который будет найден более удобным» ²⁰.

Иными словами, британская сторона «в случае акта агрессии» не брала на себя вообще никаких встречных обязательств и даже не намеревалась обозначить их. Ранее, 28 марта 1939 года, министр иностранных дел Великобритании Эдвард Галифакс через своего посла в Вашингтоне конфиденциально информировал Госдеп США об истинной позиции британского правительства на предстоящих переговорах с Советским Союзом. Она сводилась к тому, что Англия, приступая к переговорам с СССР, «не намерена устанавливать с ним действительное сотрудничество» ²¹.

К счастью, опережающие действия советской разведки своевременно дезавуировали все представленные Лондоном инициативы и раскрыли советскому руководству истинный смысл очередного грязного демарша, который по своей сути являлся классической политической провокацией.

Что касается позиции правительства Польши, вокруг которой ломалось столько копий, то она нашла отражение в телеграмме ее министра иностранных дел Юзефа Бека, адресованной еще 14 мая 1939 года польскому послу в Лондоне Эдварду Рачинскому. В частности, МИД Польши ориентировал своего посла на то, что «наша позиция по вопросу об англо-французско-советских переговорах не может быть ни отрицательной, ни положительной, поскольку в этих переговорах мы участия не принимаем... Мы по-прежнему придерживаемся той точки зрения, что договор о взаимной польско-советской помощи ускорил бы конфликт» ²².

В Москве достаточно хорошо знали об этой закулисной политической кухне. Оперативные сводки нелегальных резидентур не оставляли ни малейших сомнений в истинных планах «политических партнеров» СССР. Но высшее политическое руководство СССР тем не менее оперативно отреагировало на предложения Лондона и Парижа. В течение апреля – мая 1939 года по дипломатической линии между Советским Союзом, Великобританией и Францией шел интенсивный обмен проектами потенциального трехстороннего соглашения. Но дальше красивых дипломатических слов дело не шло, и тогда 23 июля советское руководство сделало иници-

¹⁹ Там же. С. 205.

²⁰ Архив внешней политики Российской Федерации. Дело англо-франко-советских переговоров 1939 г. Ф. 069. Оп. 23. Д. 1. П. 66. Л. 33.

²¹ Документы британского МИДа 1919–1939 гг. 3-е изд. Т. 5. С. 649.

²² Станкевич М. Сентябрьская катастрофа. М.: Иностранная литература, 1953. С. 215.

циативный практический шаг – предложило организовать в Москве переговоры ответственных военных миссий, которые смогли бы оценить возникшие угрозы в Европе и на этой основе определить необходимые и возможные меры по ее реальному практическому уменьшению.

Несмотря на то что ситуация вокруг Польши обострялась с каждым днем, Британия и Франция прислали своих представителей только 11 августа. Примечательно, что руководители делегаций – адмирал Р. Дракс, до этого оголтело призывавший к войне с СССР, и генерал Ж. Думенк – вообще не были уполномочены своими правительствами подписывать какие-либо документы. Перед отъездом в Москву Думенк был ознакомлен с директивой Генштаба Франции, в которой предписывалось: «Не в наших интересах, чтобы он (Советский Союз. – *Авт.*) оставался вне конфликта, сохраняя нетронутыми свои силы»²³.

Данные советской разведки впоследствии полностью подтвердились тем, что означенный документ был обнаружен среди трофейных материалов германского Министерства иностранных дел, куда он мог попасть с помощью сотрудников и агентов германских секретных служб, внедренных в политические структуры Англии и Франции.

Тем не менее переговоры, позиции сторон в которых по требованию советской стороны были определены в первый же день, продолжались в Москве до 18 августа, хотя и напоминали разговор слепого с глухим. Советская сторона настоятельно требовала от прибывших из Лондона и Парижа «неподписантов» наконец-то определить свои полномочия, запросив официально заверенные документы от правительств своих стран. Но те отделивались «округлыми дипломатическим фразами» и предлагали «обмен мнениями». Это никак не могло устроить советскую сторону, которая с самого начала твердо и однозначно определила свою военно-политическую позицию.

В то же самое время в Лондоне министр внешней торговли Британии Роберт Хадсон проводил тайные встречи с посланцем Берлина – крупным специалистом в области экономики Гельмутом Вольгатом. На них обсуждались вопросы будущего разграничения «жизненных пространств» между Британией и Германией.

За два дня до их встречи, 16 августа, в Берлине состоялась другая не менее важная беседа между полномочным представителем правительства Великобритании Г. Роппом и идеологом нацистской партии А. Розенбергом. На ней фактически была предreshена политическая судьба Польши. Из уст Роппа Германия получила важный сигнал: ее агрессия против Польши не вызовет со стороны Великобритании никаких решительных военных действий. Ропп дал понять Розенбергу: «Возможен такой вариант, что Германия быстро покончит с Польшей. Хотя к этому времени война [с Англией и Францией будет объявлена], в тот период она будет вестись обеими сторонами как оборонительная... поскольку из-за государства, которое уже практически прекратило бы свое существование в первоначальном виде, ни Британская империя, ни Германия не поставили бы на карту собственное благополучие»²⁴.

В Москве о двойной игре британских и французских партнеров по переговорам были информированы, но все-таки до последнего старались разыграть свои политические карты в собственных интересах, то есть в интересах СССР. Для Берлина политическая программа Москвы не составляла секрета, однако опасение, что в ходе переговоров Москве удастся склонить стороны к своему варианту соглашения и добиться его подписания, вынудили Гитлера играть на политическое опережение. Хорошо зная коварство британских правителей и помня уроки прошлого, когда война на два фронта привела Германию к поражению, Гитлер решил на время нейтрализовать одного из будущих главных противников.

²³ Архив внешней политики Российской Федерации. Дело англо-франко-советских переговоров 1939 г. Ф. 069. Оп. 23. Д. 1. П. 66. Л. 240.

²⁴ ADAP. Serie D. Bd. 7. S. 68–69.

Пятнадцатого августа 1939 года германский посол Вернер фон дер Шуленбург в устной форме довел до советских руководителей позицию Гитлера. В частности, в беседе с министром иностранных дел СССР В. М. Молотовым Шуленбург сказал: «В настоящее время они (Британия и Франция. – *Авт.*) вновь пытаются втравить Советский Союз в войну с Германией. В 1914 году эта политика имела для России худые последствия. Интересы обеих стран требуют, чтобы было избегнуто навсегда взаимное растерзание Германии и СССР в угоду западным демократиям»²⁵.

Одновременно с действиями Шуленбурга в Москве в самом Берлине в глубочайшей тайне готовился визит Геринга в Великобританию для встречи с Чемберленом. Встреча была назначена на 22 августа и должна была состояться в загородной резиденции Чеккерс. На этой встрече предстояло согласовать детали будущего секретного германо-британского соглашения.

Игра политиков перешла в политический эндшпиль, и чаша весов, на которые была брошена судьба всего мира, на время застыла. Либо – либо. Либо миллионы людей будут свергнуты в бездну невыносимых страданий, либо получают призрачную надежду на мирный исход глобальной драмы, разворачивавшейся в Европе. К сожалению, в очередной раз непомерные амбиции, склонность к интригам, цинизм британских политиков, а со стороны их французских коллег – откровенная трусость и нежелание осознать трагические факты действительности взяли верх над здравым смыслом и уважением к человеческой жизни.

Сталину так и не удалось получить от британской и французской делегаций вразумительных ответов на конкретные предложения советской стороны, и англо-французско-советские переговоры окончательно зашли в тупик, подтвердив нежелание правительств Британии и Франции идти на соглашения с СССР. В этой грязной политической игре англичанам и французам подыгрывала уже обреченная на убой, но все еще самодовольная Польша. Она категорически отказывалась допустить на свою территорию части Красной армии в случае агрессии против нее Германии.

Переговоры в Москве были отложены до 21 августа.

Возникшей паузой тут же воспользовались в Берлине. Двадцатого августа 1939 года Гитлер направил в адрес советских руководителей срочное секретное обращение, по своему содержанию оно больше напоминало ультиматум: «В отношениях Германии с Польшей может каждый день разразиться кризис, в который будет вовлечен Советский Союз, если он не согласится безотлагательно на подписание договора о ненападении. Поэтому я (Гитлер. – *Авт.*) еще раз предлагаю Вам (Сталину. – *Авт.*) принять моего министра иностранных дел во вторник 22 августа, самое позднее в среду 23 августа. Имперский министр иностранных дел будет облечен всеми чрезвычайными полномочиями для составления и подписания пакта о ненападении»²⁶.

Политическая схватка в Европе достигла кульминации. Счет шел уже даже не на дни, а на часы. В сложившейся ситуации Сталин из двух политических зол, как ему тогда казалось, выбрал наименьшее. В тот момент, когда Великобритания и Франция завели переговоры в тупик, а Красная армия вела ожесточенные бои с японскими войсками на реке Халхин-Гол, советскому руководителю ничего другого не оставалось, как продолжить свою игру, чтобы оттянуть неизбежную войну на западных границах СССР, а сами границы отодвинуть как можно дальше на запад от глубинных районов страны.

Двадцать третьего августа 1939 года в Москве Молотов и Риббентроп подписали советско-германский пакт о ненападении сроком на десять лет.

В большой политике прекрасно известно, что многие международные договоры заключаются только для того, чтобы затем их вероломно нарушать. Опытные дипломаты Молотов и Риббентроп, ставя свои подписи, это хорошо понимали и потому не питали иллюзий в отноше-

²⁵ Архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф.1. Оп. 2082. Д. 14, Л. 405–406.

²⁶ Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten. Bd. 111. S. 161.

нии долговечности мира между Советским Союзом и Германией. Советской стороне в сложившейся ситуации договор с Германией был необходим как воздух. Вести войну на три фронта: против Японии, захватившей весь северо-восток Китая и грозовой тучей нависшей над Дальним Востоком, против Германии на западе и... против Франции с Великобританией на юге – было бы равносильно самоубийству.

Да, был еще и «третий фронт», о наличии которого большинство читателей практически ничего не знает. Начало боевых действий в Закавказье на фоне переговоров с британской и французской делегациями было бы верхом политического цинизма, но все же было возможно. В Москве внимательно относились к сообщениям разведки о подготовке Франции и Великобритании к нападению на СССР на южном направлении. Политические партнеры по переговорам вели классическую двойную игру и в очередной раз на протяжении многовековой истории планировали нанести удар по территории России через Закавказье и регионы Средней Азии, считая их зонами своих интересов и влияния.

Донесения нелегальных резидентов о том, что в тиши политических и армейских кабинетов разрабатываются планы военно-диверсионных действий против СССР в Закавказье, не могли не насторожить Сталина. Новые факты, поступавшие по разведывательным и дипломатическим каналам, стирали сомнения в том, что война в Закавказье может стать кровавой реальностью. Летом 1939 года в Турции, Иране и ряде других стран региона в спешном порядке создавалась сеть военных аэродромов, на которые в режиме строгой секретности проводилась переброска эскадрилий бомбардировщиков Франции и Великобритании. В странах Центрально-Азиатского региона появились новые разведшколы, учениками которых в основном становились местные граждане, а преподавателями были английские, реже французские специалисты разведывательных служб. Шла активная подготовка руководителей и агентуры военно-диверсионных и повстанческих групп для последующей заброски на советскую территорию; одновременно на сопредельной с СССР территории размещались секретные базы. Советской нелегальной разведке удалось внедрить в ряд таких секретных школ и объектов своих агентов, что позволило получать достоверную информацию из региональных центров принятия оперативных решений противника.

Таким образом, не было сомнений, что план военных действий в советском Закавказье не был игрой воображения наших разведчиков или ловко подготовленной и хитроумно подброшенной дезинформацией.

Во французском Генштабе план развертывания боевых действий против СССР получил кодовое название «Южный план». Его непосредственной разработкой занимались генерал М. Гамелен и адмирал Ж. Дарлан. Предусматривалось, в частности, нанесение массированных бомбовых ударов по нефтепромыслам Баку с территории Турции. План не был отменен даже после того, как пала Польша и в Европе запылала Вторая мировая война.

С приближением весны 1940 года война в Закавказье становилась все более реальной. «В первой половине апреля французское правительство трижды обсуждало доклад генерала М. Вейгана о подготовке нападения на Советский Союз, несмотря на то что Германия уже вторглась в Данию и Норвегию. Премьер-министр Франции П. Рейно, сменивший Даладье, требовал, чтобы все приготовления к нападению на Баку были завершены в двухнедельный срок»²⁷.

После доработки «Южного плана» Вейганом правительство Франции окончательно утвердило его и приняло к действию. Нападение на Советский Союз с юга намечалось на конец июня – начало июля 1940 года. Но Франция не успела осуществить задуманное, так как Германия, подобно почувствовавшему запах большой крови хищнику, больше не считала необхо-

²⁷ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 1. С. 275.

димым согласовывать с кем-либо свои агрессивные планы и набросилась на тех, кто ее когда-то вскормил.

«Закатная заря» западных демократий

Пятого – восьмого мая 1940 года в рамках операции «Утренняя заря» бойцы гитлеровского батальона «Бранденбург-800», действовавшие под прикрытием германского спортивно-туристического агентства «Сила через радость», провели разведку фортификационных сооружений на территории Люксембурга и Бельгии. Их «туристический вояж» радости люксембуржцам и бельгийцам не доставил. Спустя сутки хорошо подготовленные головорезы 3-й роты «Бранденбурга-800», усиленные боевиками спецподразделения «Нидерланды», приступили к захвату важнейших мостов и переправ. Задача облегчалась тем, что на них была форма голландских военнослужащих. В дальнейшем, смешавшись с беженцами, боевые группы просочились в Гаагу, блокировали резиденцию королевы и ключевые министерства. Фашистский военный каток, играючи раздавив Бельгию с Нидерландами, покатиł дальше на юго-запад, на территорию Франции, в обход всех защитных рубежей оказавшейся малоэффективной линии Мажино.

Десятого мая диверсанты, облаченные во французскую форму, почти без выстрелов захватили, казалось бы, неприступный форт Эбен Эмаль, а затем мост через реку Шильда. Прошло еще несколько суток, и серии взрывов прозвучали в Абвиле, Реймсе, Дувре и в самом Париже; растерявшимся французам неуловимые гитлеровские диверсанты чудились повсюду. А потом в военную кампанию деловито и по-военному вступил вермахт.

В точном соответствии с планом «Рот» немецкие танковые колонны вторглись во Францию. Французская армия – на бумаге одна из крупнейших и лучших в Европе, – проигрывая одно сражение за другим, стремительно откатывалась вглубь страны. Помощь союзников с Британских островов не спасла положения. К 26 мая 1940 года основные силы британского экспедиционного корпуса вместе с остатками французских и бельгийских войск были заперты вермахтом на узкой прибрежной полосе у Дюнкерка, и тогда Черчилль, сменивший на посту премьер-министра Чемберлена, принял горькое решение: чтобы избежать полного разгрома собственного экспедиционного корпуса и сохранить остатки французских войск, он дал команду на проведение операции «Динамо» – срочную эвакуацию в Великобританию сохранившихся частей и подразделений с французского побережья.

Двадцать второго июня 1940 года французская армия капитулировала. Чтобы окончательно унижить руководителей Франции и ее граждан, нацисты разыграли издевательскую сцену: вручили условия капитуляции французской стороне в том самом вагоне, в котором 11 ноября 1918 года маршал Фердинанд Фош принимал капитуляцию кайзеровской Германии. Спустя 22 года Гитлер мстительно отыгрался за унижение Версальского договора. Вся северо-западная часть Франции была оккупирована, а юго-восточная часть превратилась в марионеточное государство со столицей в Виши. Маршал Петен, возглавивший правительство, из героя Первой мировой войны превратился в предателя Франции...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.